

Глава 5. Словно инфаркт прихватил

Линь Пи только головой покачал:

— Ты хоть и отравлен опасным ядом, но, к счастью, он не успел проникнуть глубоко. Стоит нам выяснить, кто этот шестипалый, и достать противоядие не составит труда.

Услышав это, Чэнь Янь впал в ещё большее уныние. Вот уж точно: сам заварил кашу — сам и расхлёбывай. Чёрт его знает, виновен ли вообще этот шестипалый! А вдруг покойный Лю Фэн просто по дурости сожрал какую-то отраву и склеил ласты?

Подумать только: он, единственный наследник могущественной корпорации «Цзиньда», закончит свои дни в этой глуши, умерев глупой и позорной смертью какого-то бордельного прислужника...

Заметив, как юноша то бледнеет, то зеленеет, являя собой самую картину скорби, Линь Пи попытался его приободрить:

— Ты главное не падай духом. Как только я разузнаю всё про этого шестипалого, сразу же добуду тебе лекарство.

Чэнь Янь уткнулся лицом в ладони, изнывая от бессилия.

«Герой ты мой ненаглядный, умоляю, лучше помолчи...»

Линь Пи отвернулся, присел перед ним на корточки и похлопал себя по широкому плечу.

— Залезай.

Чэнь Янь растерялся:

— Это ещё зачем?

— В таком состоянии ты и пары шагов не ступишь, — отозвался Линь Пи. — Понесу тебя на спине.

Чэнь Янь замер. Он смотрел на крепкую спину Линь Пи, и вдруг внутри словно молния сверкнула — яркая, пронзительная. В самой глубине груди что-то сладостно заныло и затрепетало, разливая по телу щемящее, пьянящее тепло. В этот миг отступила терзающая боль, рассеялась ночная мгла. Весь мир сузился до этого человека. Исчезло всё, кроме мерного шороха берёзовой листвы на ветру и тихого, ровного дыхания Линь Пи.

«Ну и дурак же ты», — подумал он и, подавшись вперед, обвил руками его шею.

В лесу, утомленном недавней суматохой, вновь воцарилась тишина. Лишь сухие листья глухо шуршали и хрустели под тяжелыми, уверенными шагами.

Пригревшись на широкой спине Линь Пи и ощущая исходящее от него живое тепло, Чэнь Янь скользнул взглядом по его виску, где волосы были уложены волосок к волоску, и лукаво прошептал прямо в ухо:

— Послушай, герой Линь... Ты ведь так добр ко мне не просто так? Неужели... влюбился?

Линь Пи от неожиданности оступился, но тут же покрепче перехватил Чэнь Яня под бёдрами, не дав соскользнуть. Он деланно откашлялся и постарался придать своему голосу как можно больше суровости:

— Будешь молоть чушь — сброшу прямо в грязь.

Чэнь Янь лишь тихонько рассмеялся, уткнулся носом в его шею и спокойно прикрыл глаза.

Почувствовав это прикосновение, Линь Пи на мгновение окаменел, но быстро справился с собой и едва слышно проворчал:

— Прохвост.

Когда Чэнь Янь снова открыл глаза, солнце уже стояло высоко, заливая всё вокруг мягким, усыпляющим теплом. Слегка сощурившись от непривычно яркого света, он приподнялся на локте и принялся осматриваться.

Жилище оказалось на редкость убогой лесной лачугой под соломенной крышей. Бамбуковые рамы маленьких окон были наспех затянуты пожелтевшей бумагой, сквозь прореху в которой упрямо сквозил ветерок. Из всей обстановки — лишь щербатый деревянный стол да пара низких колченогих табуретов. Сам он лежал на грубом дощатом настиле, застеленном жесткой циновкой и старым одеялом.

Бамбуковая дверь жалобно скрипнула. В комнату вошел Линь Пи, бережно неся в руках таз с дымящейся водой. Заметив, что Чэнь Янь сидит на постели сонной растрепанной птицей, он заметно расслабился.

— Проснулся наконец? — спросил он. — Умойся, надо бы подкрепиться.

Чэнь Янь спустил ноги на пол и обулся. Линь Пи тут же подошел, заботливо придержал его за локоть, помогая пересест к столу, и протянул выжатое влажное полотенце.

Не привыкший к такой заботе Чэнь Янь неловко забрал его и, кое-как обтерев лицо, спросил:

— Где мы?

Договорить он не успел. В дверном проеме выросла огромная фигура, разом заслонив полуденное солнце и погрузив комнату в полумрак.

— О, очухался малый! — зычно и хрипло пробасил бородатый крепыш лет сорока. — Как раз вовремя! Я вчера парочку знатных фазанов подстрелил, сейчас похлебку сварганим — мигом на ноги встанешь! Гы-гы!

Глядя на эту добродушную, хоть и лохматую физиономию, Чэнь Янь невольно улыбнулся в ответ.

— Это старший брат Сунь Чжэн, — представил великана Линь Пи. — Он охотник, и это его лесная заимка.

Чэнь Янь скользнул взглядом по развороченной постели и смущенно кашлянул:

— Простите за беспокойство, брат Сунь. Столько хлопот вам доставили.

— Да брось ты эти церемонии! — размашисто махнул рукой охотник. — Мы же с Чу...

Линь Пи внезапно разразился сухим, надрывным кашлем.

Сунь Чжэн мгновенно смешался, но тут же исправился:

— Э-э, я говорю, названный брат Линь Пи для меня как родной, а значит, и ты мне брат! Я тут вечно один кукую, а с вами хоть живая душа в доме появилась. Рад я, короче!

Чэнь Янь от этого обилия «братьев» знатно растерялся, но не успел он вставить и слова, как радушный хозяин уже умчался на улицу, гремя утварью.

— Мы глубоко в чаще, — негромко произнес Линь Пи. — Даже если ищейки вернутся, им сюда дорогу вовек не сыскать. Поживи здесь пару дней, окрепни.

Чэнь Янь изумленно вытаращился на него:

— Глубоко в чаще? Это сколько же ты тащил меня на себе вчера ночью?!

Линь Пи лишь мягко улыбнулся, оставив вопрос без ответа. Перед тем как выйти, он указал на его голову:

— Причесался бы ты. Волосы совсем спутались. Как закончишь — выходи на воздух, в очаге как раз каша поспела.

— Но я... — Чэнь Янь уныло посмотрел на оставленный деревянный гребень. — ...не умею.

В лачуге не нашлось даже заваливавшегося зеркала. Чэнь Янь понятия не имел, как совладать с этой длинной вороной гривой. Побборовшись с непослушными прядями и пару раз безуспешно попытавшись соорудить аккуратный узел, он плюнул на всё и просто стянул волосы на затылке лентой в низкий хвост, став удивительно похожим на потрепанного жизнью барда-неформала.

Стоило ему показаться на пороге, как оба мужчины замерли. Линь Пи, как раз отхлебнувший чаю, с глухим кашлем выплюнул всё обратно. Охотник, ощипывавший фазана неподалеку, поспешно отвернулся, пряча широкую усмешку в усы.

Смеясь и качая головой, Линь Пи мягко затолкнул Чэнь Яня обратно в комнату.

— Ну что за недотёпа, элементарных вещей не умеешь.

Он ловко перехватил гребень и принялся за дело. Пальцы Линь Пи порхали на удивление быстро и бережно: в считанные мгновения он собрал непослушные пряди в высокий аккуратный пучок на макушке и перевязал его лентой цвета молодой хвои. Отступив на шаг, он придирчиво осмотрел свою работу и кивнул:

— Вот теперь порядок.

Выйдя во двор, Чэнь Янь склонился над стоявшей у порога кадушкой с водой. В зыбком отражении на него глянул вполне смазливый юноша с тонкими, благородными чертами лица. Правда, из-за яда кожа казалась мертвенно-бледной, а в глазах сквозила болезненная хрупкость.

Пока Чэнь Янь сидел на чурбачке и с аппетитом прихлёбывал простую пшеничную кашу, Сунь Чжэн закинул подготовленную дичь в бурлящий на костре котёл. Охотник утер лоб, подошел к Линь Пи и, зачерпнув ковшом студёной воды из бочки, жадно выпил её в несколько глотков.

— После полудня сбегая в город, поспрашиваю у нужных людей, — шумно выдохнул он. — Не бойсь, к завтрашнему дню всё раз узнаю.

— Премного благодарен, брат Сунь, — Линь Пи уважительно прижал кулак к ладони.

В тот же день охотник ушел. Дело требовало деликатности, так что он сразу предупредил, что заночует в городе. Вернулся он лишь на закате следующего дня — усталый, покрытый дорожной пылью. С порога он бросился к столу, осушил залпом глиняный чайник с остывшим отваром и шумно выдохнул:

— Разузнал!

К тому моменту Чэнь Янь, окончательно разнеженный теплом, дремал под одеялом на циновке, являя собой самую немощь. Линь Пи сидел на краю настила и терпеливо помешивал ложкой похлебку в миске, то и дело остужая её дыханием.

При виде ворвавшегося охотника Линь Пи на мгновение смутился и поспешно, будто оправдываясь, буркнул:

— Горячая слишком.

Сунь Чжэн окинул его весьма красноречивым взглядом, но расспрашивать не стал:

— Ладно, слушайте, что мне удалось вывести.

Линь Пи сунул миску в руки окончательно проснувшегося Чэнь Яню и подошел к столу.

— Тот шестипалый — торговец шелками по имени Ляо Дацзинь. Накануне гибели Лю Фэна они знатно выпивали в Винодельне Процветания. Коридорный божится, что оба уползали оттуда едва тёплыми. Самое интересное — Ляо Дацзинь уже покинул Тунчжоу. Нагрузил телеги товаром и двинул в сторону Цзиньчуаня.

— В Цзиньчуань? — удивленно переспросил Линь Пи.

— А что не так? — нахмурился охотник.

Линь Пи посерьезнел:

— Слышал о цзиньчуаньском клане Чэнь?

— Да кто ж о них не слышал! — хмыкнул Сунь Чжэн. — Богачи знатные, пол-края под собой держат. С властями вась-вась, тамошние чинуши без их одобрения и шагу ступить не смеют. Сейчас у них делами заправляет молодой господин Чэнь Цзюнь — хоть и калека безногий, а хватка у него железная.

— Вот именно, — кивнул Линь Пи. — А покойный Лю Фэн до недавнего времени служил у них личным телохранителем.

Охотник озадаченно поскрёб затылок. Выходило, что загадочная смерть Лю Фэна тянулась невидимыми нитями прямиком к поместью Чэнь. Случайность? Возможно. Но проверить эту ниточку стоило обязательно.

Пока мужчины вполголоса обсуждали дела влиятельного клана, Чэнь Янь сидел ни жив ни мёртв. Как только Сунь Чжэн упомянул связь между Ляо Дацзинем и Лю Фэном, парень почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Кто же знал, что его глупая брехня, придуманная на ходу ради спасения шкуры, окажется чистой правдой? Радоваться ли такому везению? С одной стороны — прекрасно, ложь стала истиной, и Линь Пи теперь ни в чём его не заподозрит. С другой — дело принимало нешуточный оборот. Стоит ли ему вообще лезть в это осиное гнездо?

Быть может, разумнее остаться здесь, в тихой и безопасной глуши у гостеприимного охотника? Пусть Линь Пи сам отправляется в Цзиньчуань, распутывает этот заговор и привозит ему заветное противоядие.

Интуиция кричала: поездка в Цзиньчуань не сулит ничего, кроме смертельной опасности. И пускай он знать не знал, что это за семейка такая, само упоминание фамилии Чэнь отозвалось в его душе странным, необъяснимым приступом глухой ярости и липкого страха. Хотелось бежать от этого места как можно дальше.

Но пока он колебался, Линь Пи уже закинул за плечи их скудный скарб и обратился к хозяину дома:

— Брат Сунь, твой визит в город наверняка не остался незамеченным. Нам нельзя задерживаться, иначе мы навлечем на тебя беду. Выдвигаемся в Цзиньчуань прямо сейчас.

— Да чего вы всполошились? — Сунь Чжэн попытался удержать его за плечо. — Я хоть и простой таёжник, но зубы показывать умею. На дворе темень, да и Чэнь Янь едва на ногах держится. Переночуйте еще раз, а на рассвете тронетесь.

Линь Пи качнул головой:

— Твое радушие греет душу, брат Сунь, но яд в теле Чэнь Яня не станет ждать. Медлить нельзя. Чем скорее мы окажемся в пути, тем спокойнее.

Поняв, что спорить бесполезно, охотник лишь вздохнул. Он вышел на веранду и вернулся с увесистым узелком:

— Тут лепешки сухие да вяленина. Дорога до Цзиньчуаня неблизкая, подкрепитесь в пути. И... берегите себя.

— Обязательно, — Линь Пи принял подношение, привычно закинул дорожную сумку за спину и повернулся к спутнику: — Идём.

Глядя в эти ясные, глубокие глаза, Чэнь Янь вдруг поймал себя на мысли, что весь его недавний страх и желание сбежать испарились без следа, будто их никогда и не было.

Он торопливо обулся, почтительно поклонился Сунь Чжэну на прощание и шагнул вслед за Линь Пи в наваливающиеся на лес сумерки.

Под покровом темноты они шли по петляющей горной тропе около двух страж. Когда стихли последние крики засыпающих птиц и тайгу окутала первозданная тишина, Линь Пи указал на небольшую прогалину между соснами:

— Передохнем здесь до рассвета. Ночью в горах ломать ноги ни к чему.

Изнуренный переходом Чэнь Янь спорить не стал. Он молча наблюдал за тем, как Линь Пи ловко, в несколько движений разводит костер, а затем нагребает охапку сухой хвои и листьев, устраивая подобие постели. Уложив уставшего юношу у огня, мечник сам прислонился к шершавому стволу вековой сосны, обнял верный клинок и прикрыл глаза, мгновенно погрузившись в чуткий сон.

<http://bllate.org/book/19459/2029014>